

Война

Сегодня 9-ое мая. Женский день.

День мамы, как его называют в Германии, празднующийся во второе воскресенье мая. В переводе на русский это здешнее 8-ое Марта. Празднуют почти так же, как в России: чествуют женщин, матерей, балуют цветами, добрыми словами, приглашениями на обеды. Вот за душу берущих маленьких нежных подснежников и душистой мимозы никто благоговейно в руке не зажимает, и гвоздику здесь дарить не принято – за ней закрепились репутация кладбищенского цветка. А радость и улыбки те же.

Через десять дней будет праздноваться мужской день – день папы. По-русски сказали бы «День Защитника». Только вот семейного застолья здесь по этому поводу нет. Мужчины, как будто добившись своих прав и свобод, празднуют свой день между собой, в узком кругу. Кучками тянутся мужики по деревне, тащат за собой тележку с пивом и закуской. Осядут где-нибудь на солнечной полянке и празднуют. Этот день к тому же и христианский праздник, поэтому в календаре отмечен как государственный выходной. Детсады и школы закрыты, но женщинам волноваться о неустроенности детей не надо – ведь и им не надо на работу, праздник всё-таки, день папы.

Ещё сегодня в самой мощной индустриальной и политически влиятельной федеральной земле Нордхайн-Вестфален выборы в парламент. Днём уже ясны результаты – христианско-демократическая партия CDU уступила социал-демократической партии SPD. Места в федеральном парламенте будут перераспределены, политики вынуждены будут откорректировать курс. На площадях и улицах городов Дортмунд, Эссен и Бохум будет до вечера гудеть праздник приверженцев победившей в выборах партии.

А ещё сегодня на Мариинской площади города Мюнхена собралось 25 тысяч человек, как один в красных рубашках в мелкую клеточку, чтобы на пределе человеческой радости и раскованности праздновать победу футбольной команды Байерн Мюнхен в чемпионате Германии. Звёзды-футболисты, появившиеся после долгого ожидания веселящейся толпы на балконе дворца, и сами вне себя от переполняющей их гордости за кубок в федеральных играх. Течёт рекой пиво и уничтожаются белые толстые сосиски.

А ещё у моего племянника сегодня праздник конфирмации, то есть причастия. Родители его специально два года назад крестили - хоть ему было уже 12 лет, нетипичный для крещения возраст - чтобы сегодня можно было совершить обряд конфирмации. Больше из практических соображений с далёкой перспективой: в социальной, юридической и педагогической сфере в Германии не найти работу, если ты не являешься членом церкви. Другими словами, идеологическая основа воспитания детей и работы с людьми вообще – христианская, и если ты не можешь предъявить бумажку о своей правильной идеологической направленности, то не подходи к молодёжи. Напоминает вам это что-то? Ну, конечно, пионеры, комсомольцы и гордые носители партийных книжек! Это ещё один «перевёртыш», подобранный моим вниманием в Германии.

Как мы гордились пионерскими галстуками, распахивая в дикий мороз куртки и шубки на общий обзор, так и немецкие дети гордятся своим приёмом в лучшие ряды общества. Только подарки к празднику несколько другие, чем были у нас когда-то. Любопытно наблюдать, как приведённые к причастию дети яростно срывают подарочную бумагу в специально для подарков отведённой комнате в доме. Освободить достаточно места для презентов крайне необходимо: а то где же разместить маунтан-байк и плазменный телевизор? Но и родители не подкачают: в год причастия ребёнка семья отказывается от годового отпуска, и все сбережения плюс поступления от родственников уходят на костюм сыну или длинное белое платье дочери, на украшение церкви и на пастора, на приглашения-объявления, на званый обед и на заключительные открытки-благодарности поздравившим, обязательно с профессионально выполненной фотографией ребёнка, который в своей тройке и галстуке и с напыженными волосами похож на маленького дракулу.

Мой племянник с родителями живёт в Дортмунде, в протестантской части Германии. Наш юго-запад – католический. У нас эта традиция причастия называется «коммунион» и проводится с детьми пару лет раньше, чем конфирмация протестантов. Но смысл и процедура – те же. Известно, что католическая церковь – более строгая и консервативная, чем протестантская. Католики по-прежнему, несмотря на движение оппонентов, держатся мёртвой хваткой за целибат – безбрачие священников, также они сегодня, как и века назад, не допускают женщин в сан католических священников.

Моё благословение и мой крест – иной взгляд на вещи. Поэтому я одна из всех празднующих задаю сегодня себе вопрос: а как выглядит причастие к этой церкви на фоне громких скандалов о сексуальных преступлениях священников?

После десятилетий молчания вдруг прорвало! Жертвы сексуального насилия в католических церквях, в школах, особенно в школах-интернатах, вдруг заговорили о своей трагедии, которая сопровождает уже взрослых людей на протяжении десятилетий. «Чистые» от мирских земных потребностей священники под прикрытием глухих стен церквей и интернатов использовали детей для своего удовлетворения. Они не брезговали задирать юбки белых платьев по-истине невинных девочек, готовящихся под их чутким руководством к соединению с богом.

Под давлением прессы и общественного мнения архиепископ нашего округа удаляет попавших под обвинение седовласых священников с постов, которые связаны с опекой детей и подростков. А работать духовником, пастырем со взрослыми, принимать исповедания грешников им можно!

Римский папа Бенедикт XVI, с мирским немецким именем Йозеф Ратцингер, молчит.

Если бы меня сегодня спросили, что я считаю в жизни самым страшным преступлением, я бы назвала молчание. Отсутствие реакции, когда она необходима и её ждут. Возникший вакуум на месте, предназначенном для слова или действия. Пройти и сделать вид, что не заметил. Поджать губы и дать добить его (или её) чужими руками или словами, что не менее больно. Не вмешаться. Не одёрнуть зачинщика. Ничего не предпринять. Присутствовать и отсидеться. Опустить глаза в газету. Перейти на другую сторону улицы. Оказавшись внутри конфликта, не проронить ни слова, а потом беседовать по-прежнему мило, ведь «я ничего плохого тебе не сделал»!

В русской православной церкви видишь много женщин, присматривающих за порядком в церкви. За порядком в учреждениях, где дети оторваны от своих семей, тоже всегда был и есть женский, материнский пригляд. Удалить же женщин из тех мест, где воспитывается молодёжь – недальновидно.

Я обвиняю, опять же за молчание, немецких женщин, для которых сельский пастор был не наместником бога, а богом. То, что он делал, не ставилось под сомнение, не обсуждалось. А если кто-то из детей и посмел что-то заметить за семейным столом, ему быстро отбивали охоту болтать не под делу щедрым подзатыльником.

Как и всякая монополия, монополия церкви на души людей не может привести ни к чему хорошему. Благая христианская весть будет непременно искажена, злоупотреблена, выхолощена, если не отделить церковь от государства и не дать людям свободу выбора. В Германии церковь от государства не отделена. С граждан взимается церковный налог. В школьных классах и залах суда висят кресты.

Да ... Что-то ещё сегодня было ...

Вроде какое-то воспоминание ...

Зацепилось число за что-то... Как если бы ты после десятилетий счастливого супружества позабыл о дне свадьбы, но сегодняшняя дата тебе о чём-то напоминает, тревожит.

Вот что! День Победы! Сегодня - 65-летие Победы!

Канцлер ФРГ Ангела Меркель сегодня в Москве, на параде. Спасибо.

Ни французский президент Саркузи, ни британский премьер-министр Брайен не приехали из-за валютного кризиса в Европе. Хе? Друзья, да в воскресенье даже биржа закрыта! Да бог с ними, с Саркузи и Брайеном! На параде в Москве среди приглашённых гостей впервые американцы, поляки.

В ежедневной немецкой газете день спустя события вчерашнего дня освещаются примерно в той же последовательности, что и в этом очерке. На 6-ой странице в репортаже о праздновании Победы в Москве напоминает, что 27 миллионов жизней в СССР положено в этой войне. Половина из них – не на фронте.

Война – по-прежнему тема для нашей внутренней работы.

Завидная глубина осмысления национал-социализма и его истоков заметна в искусстве Германии. Это парадокс: ни в каком искусстве других стран я не встречала такого глубокого психологического анализа, такой незаживающей болевой совести, такого верного понимания истоков фашизма, и тем самым такого бескомпромиссного преодоления недуга через очищение, как в немецком искусстве.

Фильм «Das weiße Band» («Белая лента»), автор Михаил Ханеке, год создания 2009.

В этом фильме ни разу не произнесено слово «фашизм» или «национал-социализм». Этот фильм вообще не о войне. Его действие заканчивается перед тем, как начинается война.

Замкнутая в себе жизнь одной немецкой деревни. За духовным здоровьем общины следит пастор, за физическим здоровьем - деревенский врач. Дети ходят дружной гурьбой в школу, летом бегают на речку. По-крестьянски малословные, люди живут, работают на полях и в доме крупного землевладельца, празднуют день урожая. Всё как обычно, всё как всегда. Ни от кого не исходит жалоб, никто не ссорится.

То, что пастор, следя за чистотой перед богом своих детей, наказывает в присутствии молчащей матери своих детей прутьями – это дело житейское. То, что он привязывает за руки своего подростка-мальчика ночью к кровати – тоже. Даже паника ребёнка при виде пожара в соседнем доме не является основанием для матери снять с него проклятие отца, освободить живое существо, дабы дать ему шанс спастись. Внешне всё благопристойно и богоугодно.

Врач, зачавший, при живой жене, с домработницей ребёнка, пытается прервать нежеланную беременность. Сообщникам-родителям это не удаётся, ребёнок рождается и остаётся инвалидом. После того, как жена врача по не названной в фильме причине умирает, детей врача воспитывает эта самая домработница. Но и её участь предрешена. Оскорблённая, униженная мужчиной, она уходит из его дома. На её место – женщины, удовлетворяющей сексуальные потребности доктора, вынуждена вступить его дочь-подросток.

Единственная женщина, которая способна произнести слова о невозможности жить в условиях постоянной жестокости и молчаливого насилия – это изысканная женщина, аристократка, жена землевладельца. Она готова уехать в Италию с сыном, которого чуть не утопили деревенские бугаи в реке из-за дудочки. Но и она не свободна. Минута, когда она стоит у двери столовой, желая уйти от оскорблений мужа, а он приказывает ей остаться «пока я не разрешу тебе покинуть комнату», длится вечно. Её рука в белой манжете шёлковой блузки, уже нажавшая на ручку двери, опускается. Она подчиняется и остаётся. Возвращение в тот же омут.

Фильм замечателен тем, что он рассказывает не только об атмосфере насилия в Германии 30-х годов, но и о другой стороне жизни, автоматически сопровождающей первую: об атмосфере молчания.

Этот фильм был удостоен Золотой Пальмы, Золотого Глобуса и десяти (!) призов игрового кино в Германии. Для меня это важный знак того, что не только художественное мастерство оценено немцами по достоинству, но и принята мораль, идея фильма.

Моему сыну Йоханнесу задали в 5-ом классе прочесть роман «Damals war es Friedrich» («Тогда это был Фридрих»), автор Ханс Петер Рихтер. В книге нет сцен физического насилия, осязаемых кошмаров издевательства одного живого существа над другим. В ней рассказывается история одного мальчика – еврея, которого в предвоенной Германии как-то незаметно перестали приглашать к себе в дом одноклассники, вроде без причины – какая неудача! - закрывались двери магазинов перед его носом, разрушилась его мечта играть в спортивной школьной команде – надо думать, из-за здоровья его не взяли. И всё как-то незаметно, без грубости, вроде как обстоятельства так сложились. К концу романа снежный ком отчуждения и отвержения разрастается, нагнетается, становится необозримым, этот ком не может больше расти, он не помещается больше в историю, его можно только удалить.

Йоханнес признался, что он впервые читал такую трагическую книгу. Мучимый бессоницей, как больной, не в силах выразить в словах источник своего беспокойства, парень несколько дней ходил как отрешённый.

Это книга был прививкой, которую делают подрастающему поколению в нормальных немецких школах и семьях, чтобы дети, пережив боль в маленькой дозе, никогда не заболели всерьёз болезнью дедов.

Мне вспоминается театр Трира, заполненный до последнего места. Премьера спектакля «Кабаре», в котором разворачивается судьба разных людей на фоне последних лет перед войной. Женщина, которая любила, предаёт. Предаёт незаметно, сама этого не замечая. И даже её любимый, о котором вдруг стало известно, что он еврей, не упрекает её, молча, как будто судьба его такая, а не люди его отторгли, собирает вещи, уходит из дома, и из жизни.

Вспоминается фильм «Сталинград», снятый на немецкой киностудии режиссёром Йозефом Вильсмайер, в главных ролях Доминик Хорвиц и Томас Кретчманн. Это фильм – прозрение, фильм – отрезвление, фильм – шок с целью очищения. Фильм не о романтической героине войны, а о крови, перемешанной с грязью, о покалеченной психике и навсегда больной совести выживших.

Роман современного немецкого писателя Бернхарда Шлинка «Чтец» увлекает необычным сюжетом. Но я обращаю внимание на психологический срез немецкой нации после войны. Сыны участников войны тогда отвернулись, отказались от отцов – суровый и непреодолимый конфликт поколений, приобретший в послевоенной Германии особую остроту. Но только так можно было определить свою позицию, преодолеть прошлое. Сыны судили отцов, и матерей тоже.

Но это противоестественно, саморазрушительно, в корне невозможно – судить отца и мать! Я чувствую под конец романа, что автор, как и его герой, кстати тоже юрист, наталкиваются на беспрецедентную проблему: суд ничего не решит, суд – не решение!

Почему я, внучка пострадавшего в войне русского солдата, живу сегодня в Германии и живу счастливо? Потому что я убеждена, что нельзя судить за преступления по законам иного времени. Потому что я вижу, какую душевную дань немцы платят за ошибки отцов. Потому что я уважаю немцев за их тяжёлый духовный труд – по преодолению недавнего прошлого, для возвращения к интеллектуальным и моральным ценностям Ницше, Канта, Шиллера, Гёте.

Больная совесть заставляет немцев до сегодняшнего дня уводить немыслимые суммы в фонды жертв национал-социализма, в особенности еврейским организациям. Масштабы этих платежей заставляют воскликнуть: «Хватит, достаточно, остановитесь! Не надо прививать всё новым и новым поколениям чувство немецкой вины».

Война – не исчерпанная тема.

К сожалению, не все принадлежат к кругу любителей театра и сторонников литературного искусства, до определённого слоя населения достучаться словом невозможно. При всей глубине понимания произошедшей с немецкой землей великой беды, в кругу неинтеллектуалов продолжает процветать неонацизм. Я этого понять не могу. Точнее сказать, понять я это могу, но от этого становится ещё хуже, потому что не могу принять. А понимаю я то, что этот факт – производное чего-то очень положительного, важного, незаменимого. А именно – производное демократии: никакие партии в рамках демократии насильем сверху запретить, разогнать к чёрту невозможно.

Кроме ярко выраженного неонацизма, есть ещё настороженность по отношению к пришельцам, чужакам, людям «не из нашей деревни» на бытовом уровне. И после семнадцатилетнего периода жизни в Германии мне много раз приходится сталкиваться с людьми, которые начинают своё общение со мной со слов «А у нас в Германии ...»

Вчера в новостях сообщили, что в правительственных кругах возникла идея ввести тест IQ – квота интеллигентности для живущих в Германии мигрантов!

А несколько дней назад в лучшее телевизионное время показывали, как выкатывают на носилках в зал судебного заседания по делу о преступлениях в период национал-социализма 90-летнего, почти бессознательного, Ивана Демьянюка. Уроженец Украины, он под страхом смерти после прихода немцев в его деревню стал работать на фашистов надзирателем в концлагере. Ужасно. Трус и предатель. Ненавидим таких. Надо было грудью на амбразуру ...

Но почему я воспринимаю сегодняшний суд над ним как позорище? Нашли козла отпущения? Не хотят видеть, что этот Демьянюк остался бы добрым семьянином и отличным отцом и тружеником, если бы не пришлось ему столкнуться с фашизмом?

Сегодня Федеральное Собрание – представители различных партий Германии, народные избранники – выбирали нового Президента ФРГ. Президент в Германии, в отличие от Президента России, играет скорее роль эмоциональную, чем административную. Он – совесть и лицо народа. Он – судья и примиритель. Он – посредник между поколениями, между партиями и между людьми с разным социальным статусом. Он – дающий моральную оценку происходящему в стране. Он близок к людям. Он способен положить вето на решения правительства. Он облечён доверием народа и является его глашатаем. Он представляет немцев вовне, перед лицом других наций и народностей.

Федеральное Собрание отдало 3 голоса за кандидата из право-радикальной национал-социалистической партии Германии. То есть 65 лет после войны некоторые люди хотят, чтобы их голосом и их совестью, их Президентом стал неонацист!

Может быть, кто-то скажет: «Только 3 голоса – это мелочь, не стоит и обращать внимания, такой кандидат не участвует в конкуренции с другими, набравшими несколько сотен голосов». А я, читая об этих трёх голосах, вижу всю пирамиду выборов. Эти три человека попали в Федеральное Собрание, потому что их выбрали десятки голосующих, а тех уполномоченных голосовать выбрали сотни других голосующих граждан. Понятно теперь, какую долю населения составляют сочувствующие ультра-правой национал-демократической партии NPD? Призрак бродит по Германии, призрак национал-социализма. Мне страшно от того, что я этих людей не могу распознать в толпе, как не могу увидеть среди членов Федерального Собрания тех троих, они слились с общей чисто выбритой, одетой в белые рубашки и стильные галстуки массой. Те, кто явно заявляет о своём радикальном политическом убеждении, те, кто носит кожаные куртки с орлами и бреет голову – это меньшинство. Бóльшая часть приверженцев этого течения не видна и не различима. Они – среди нас. Сетуют на погоду, стоят со мной в очереди у кассы, сидят около меня в приёмной врача, говорят со мной о трудностях ухаживать за огородом, переживают за будущее детей в связи с растущей безработицей.

Один из этой однородной массы, однако, выдал себя однажды. Семнадцать лет назад мы с мужем снимали квартиру в доме Эвальда, в том же посёлке, где мы позже построили свой дом. После заключения брака наши документы не сразу были готовы, и наш квартирный хозяин, не получив в день нашей свадьбы документ о моей прописке, крикнул мне однозначно и просто: «Raus!». Этот крик вызвал бесконечное эхо: оно отдаётся у меня в голове и сегодня, каждый раз, когда Эвальд проезжает мимо меня на машине и дружелюбно машет мне рукой.

Помпезного празднования дня окончания войны в Германии быть не может. К маю возвращаются жуткие сны, раскрываются раны. Кроме прочего, кошмары мучают пожилых немецких женщин. Впервые после войны в новом фильме «Анонима» режиссёра Макса Фербебрёк, в главной роли Нина Хосс, получили голос женщины, пережившие вступление русских освободителей в Берлин в мае 1945 года. Потеря мужей и отцов в войне не сравнима с тем, что им пришлось пережить от освободителей тогда в Берлине...

Фильм тяжёлый. Я хочу сегодня сказать только одно. Женщины творят историю вместе с мужчинами. Они не только ходят на выборы, то есть определяют свой выбор дальнейшей истории, они вдохновляют и поддерживают мужчин в их выборе. Не иначе было и в процессе возникновения национал-социализма. Я убеждена, что женщина на многое способна и, соответственно, за многое несёт ответственность. И если история повернулась к женщине своей жестокой стороной, она должна спросить себя, что она сделала или не сделала ранее, чтобы история была другой.

Трофейное искусство ...

Друзья, не время об этом говорить. Мы не остыли ещё. Возвращение с войны ещё не закончилось. Пусть пройдёт столько же лет, сколько прошло после войны с Наполеоном, а ещё лучше, сколько прошло после крестовых походов, тогда поговорим и о трофейном искусстве.

Война – сложная тема.

Моя 75-летняя мама сидит у окна и смотрит на то, как седовласый 85-летний немец из соседнего дома принимает поздравления с днём рождения, жмёт каждому пришедшему руку. Деревенский оркестр и хор обрамляют праздник музыкально. В этом оркестре играют его внук и правнук. Я вышла на улицу, чтобы лучше слышать музыку. Мой сын тоже играет в этом оркестре. Мама выходить не захотела, она так и осталась сидеть у окна.

Мне этого на сегодня достаточно.

Пусть мама сидит у окна, хорошо уже, что она готова посмотреть на пожилого немца и заметить, как тепло он умеет благодарить и как искренне он умеет радоваться.

Юбиляр протягивает руку и её внуку.

И пусть херр Венцель знает, что моя мама наблюдает за ним из окна.

Автор: Лада Рёлль
Май 2010